

Афанасий Абрамович (Афако Абиевич) Гассиев (1844–1915) – первый на Северном Кавказе философ, ученый и публицист Нового времени, при жизни признанный российским научным сообществом (см.: Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. – СПб., 1915. Т. I).

А.А. Гассиева можно назвать осетинским Ломоносовым: выходец из крестьянской семьи, в 1867 году он стал студентом Киевской духовной академии, по окончании которой защитил степень кандидата-магистранта по психологии, истории философии, педагогике и основному богословию и сформировался как философ-материалист и общественный деятель прогрессивно-демократического направления. Такие работы Гассиева, как «Коран, его происхождение и образование», «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения», «Мир христианский и мир магометанский», «Новейший философский реализм об основах религии и нравственности», «Поворот к торжеству христианства», «Школьное дело между инородцами на Кавказе», «Новое исследование

учения Л.Н. Толстого» и др. оказали значительное влияние на развитие северокавказского просвещения и формирование горской интеллигенции, на разоблачение псевдонаучных трактовок нрава кавказских народов в русской прессе.

Вниманию читателей предлагается одна из ранних статей А.А. Гассиева, весьма созвучная современной философской, публицистической и политологической литературе, противостоящей как исламскому фундаментализму и экстремизму, так и предвзятым толкованиям мусульманской этики и идеологии.

ИСЛАМ И КОНСТИТУЦИЯ¹

Месяца полтора тому назад в С.-Петербургских ведомостях была помещена статья нашего известного гебраиста² Хвольсона³, в которой доказывалось, что ислам – религия не терпящая, исключительная религия, претендующая на деспотическое подчинение себе умов и сердец людских, противная духу нашего века, несовместимая с конституцией. Статья эта сшита белыми нитками; стоит сказать, что в ней нет постоянства, вместо «учение Корана» употребляется «ислам», причем для доказательства своих мыслей почтенный профессор приводит изречения и места из мусульманских писателей и религиозных творений, хотя из Корана также что-то указано.

Мы не можем согласиться с приемами рассуждения почтенного автора по следующим при-

чинам. Без сомнения, в Коране можно отыскать места, враждебные христианству, еврейству, свободе, равенству и т. п. Один шейх в Египте заметил же Наполеону I, что в Коране можно найти даже указание на то, как пушки отливать, только надо де уметь искать. Далее, нет сомнения, что в числе творений мусульманских теологов есть враждебные христианству и свободным учреждениям.

Очевидно, наконец, также и то, что характер мусульманских обществ и государств имеет некоторый отпечаток теократии, а где теократия, там нет свободного народа, равенства, не может быть свободы слова и личности. Но невозможно определять характер Корана по некоторым местам.

¹ Статья была опубликована в газ. Тифлисский вестник, № 213 от 1 октября 1877 г. (здесь и далее прим. ред.).

² Гебраистика – совокупность филологических дисциплин, занимающихся изучением древнееврейского языка (иврита) и письменности. Основной раздел гебраистики – библеистика, т. е. критическое исследование Ветхого завета, иудейского канона и ветхозаветных апокрифов.

³ Даниил Авраамович Хвольсон (1819–1911) – русский востоковед (семитолог, гебраист), историк, лингвист, член-корреспондент Императорской РАН по разряду восточных языков (избран 5 декабря 1858).

Известно, что суры или главы его проходят через довольно длинный период времени, в который и личность Магомета, и его взгляды изменялись, в который последовало много отмен не только отдельных мест, но и целых речей, тем не менее вошедших в нынешний состав Корана, благодаря неумению редакции Саида⁴, при третьем Халифе Османе⁵, которая, собравши все, что было известно под именем Магомета, издала доселе употребляемый так называемый «официальный текст священной книги мусульман». Это случилось между 25 и 30 годами гиджры⁶. Факт, указанный сейчас, т. е. что в настоящий состав Корана вошло много и отмененного, общепризнанный экзегетами и ориенталистами; признано также и то, что Магомет не только отменял и пояснял свои изречения, но давал их иногда по частным случаям, развивая их после в особых речах, дополняя их новыми мыслями, чтобы дать своим последователям общие религиозные определения. Итак, невозможно понять истинный смысл Корана иначе, как взяв за правило: при противоречивых изречениях его придерживаться большинства мест и следовать указаниям истории и хронологии речей, во-первых; во-вторых, учение Корана объяснять характером Магомета. Первое – чрезвычайно сложное дело; для нашей цели достаточно второго.

По признанию всех историков и биографов Магомета последний до конца жизни сохранил доброе расположение и приязнь к христианам за то, что «у них нет гордости» (слова Корана); несколько резко отзывался он о житейском характере евреев: «Они, – говорил арабский пророк, – исполнены гордости, потому что воображают себя одних союзниками Бога, исключая все другие народы»; «Магомет, – говорит Э. Ренан, – сохранил простоту араба и остался чужд идее величества» (*Etude d'histoire relig.*⁷ 15 edit, p. 249). Слабость к женскому полу была единственным пороком Магомета, говорит Вейль⁸, известный своими многочисленными и глубокими исследованиями Востока и восточных литератур. В других отношениях он был образцом домашней и гражданской добродетели. В его доме и пище господствовала величайшая простота. Он был так скромнен, что не только запрещал всякую к себе почтительность от окружающих его лиц, но ни разу не принял таких услуг, которые

мог исполнить сам: сам ходил на рынок покупать съестные припасы, нередко сам готовил пищу, починял себе одежду, подметал дом и пр. (*Historisch-kritische Einleitung in d. Koran*⁹ в биограф. Магомета). Далее известно, что Магомет давал льготные грамоты христианам, заключал союзы дружественные с христианскими и еврейскими общинами Аравии и ближайших частей Азии. Имея такого пророка – ненавидящего национальную гордость, отличающегося величайшей простотою и демократическим характером, «чуждого идеи величества» (а тем более идеи теократического наместника), – могли ли исламисты признать божественным учение, несогласное со всем этим! Видя своего пророка вступающим в дружбу с христианами, заключающим договоры, союзы с евреями, могли ли они сами иначе относиться к ним, принять какой-то догмат человеконенавидения, истребления христиан или последователей Моисеевой религии? «Пятикнижие и Евангелие содержат наставление к свету и добру» – изречение это, любимое для Магомета, постоянно встречающееся в Коране. «Евреев и христиан должно судить по книгам, которые Бог открыл своим пророкам – Моисею и Иисусу, сыну Марии» – это изречение встречается в Коране неоднократно. Так учит Магомет своих последователей.

Послушаем еще несколько изречений арабского пророка. «Всякий народ имеет своего пророка», «на всякое время своя священная книга»: подумаешь, это говорит какой-нибудь философ-социолог, а не арабский пророк! «Всякого, кто убил человека, надо рассматривать, как убийцу... человеческого рода»; «чернила ученого и кровь мучеников имеют одинаковую цену в глазах Божьих». Как и учение божественного основателя христианства, Коран не содержит идеи или принципа национальности; человек, по учению арабского законодателя, есть гражданин мира, член в союзе человечества. В Коране не встретите ничего о племенных, ничего о фамильных преимуществах или рангах.

Правда, в истории исламистских государств были уклонения от либерального духа халифата, созданного Магометом на началах «Откровения» нового; были примеры преследования не только не-мусульман, даже мусульман-сектантов ортодоксами, с самой первой поры мусульманства.

⁴ Зейд ибн Сабит аль-Ансари (около 615 – около 665) – один из сподвижников пророка Мухаммеда. При жизни пророка Мухаммеда был его личным секретарем и писцом, записывающим откровения Корана. После смерти пророка Мухаммеда был в комиссии по составлению полного письменного текста Корана.

⁵ Абу Амр Усман ибн Аффан аль-Умáви аль-Кураши (574–656) – один из ближайших сподвижников Мухаммеда, третий Праведный халиф с 644 по 656 год. При Усмани завершилось собрание письменного текста Корана в единую книгу.

⁶ Геджра, или гиджра (араб.) – бегство Магомета из Мекки в Медину в ночь с 15 на 16-е июля 622 г. по Р. Х. По повелению халифа Омара принята за начало летосчисления у мусульман.

⁷ См.: Ренан Э. Очерки по истории религии (1857).

⁸ Густав Вейль (1808–1889) – немецкий востоковед; профессор восточных языков Гейдельбергского университета.

⁹ См.: Вейль Г. Историко-критическое введение в Коран (1844).

Таковы, например, гонения (во 2-м веке мусульманского летоисчисления) последователей Матазалита (не признававших божественности Корана), гонения на последователей Абу-Муссы, Аль-Валида, Аль-Нодгама, Аль-Мацдара и др. Мало этого, по той теологической доктрине, которая господствовала в данное время, преследовали и ортодоксов-мусульман, как, например, было в 3-м веке гижры, когда заключили в темницу и предавали смерти всех тех, кто думал, что Коран не сотворен, а совечен Богу. Исламизм как догматизированное учение также уподобляется чистому источнику, принявшему в себя нечистые излияния мистиков, схоластиков, поэтистов, политиков и мечедержцев. Очень хорошо знает почтенный профессор Хвольсон (ведь он автор книги: Средневековые обвинения на евреев в употреблении христианской крови¹⁰), какие дела бывали в истории Византии и Рима; то дела дней минувших, которых, правда, нельзя видеть воочию, но зато о них еще свежо предание, память сохранена кровавою записью на скрижалях истории.

Неужели же мы должны смотреть на основы исламизма с точки зрения дервишей, теологов-мистиков и теологов-фанатиков, или с точки зрения «башибузуков» и «людей крови», убийством мнящих службу приносить Богу! Отчего мусульманство не может сделать с теологической системой то же самое, что сделал Лютер и позднейшие протестанты-рационалисты с догматикой Рима? Отчего исламисты не могут согласить все

свои религиозные и социальные установления с чистым учением Корана, как те церковную жизнь с Евангелием или Библией?

Все эти и подобные вопросы наша политическая пресса решала доселе без справки с историей, с фактами, на основании лишь одного колоссального недоразумения: что Турция и народы Турции давно отжили, давно подверглись трупному гниению, что конец настал в Европе и, пожалуй, даже в Азии господству ислама и исламистов. Наше общество, если не все, по крайней мере, громадное большинство его, вторя излияниям легкой политической прессы, потеряло способность вдумываться в ход событий, критически относиться к разным теориям и желаниям. Или, по меньшей мере, не принимать на веру вранья людей недобросовестных и невежественных. Говоря это, мы не думаем к числу таковых относить г. Хвольсона. Нам кажется только, что в статье своей, о которой упомянуто нами выше, он решает вопрос об отношении исламизма (лучше бы Корана) к конституции односторонне: нам кажется, что гебраист-профессор поддался тяготению нашей прессы, которая после стольких «заблуждений», проведенных ею по восточному вопросу, не заслуживает доверия людей, сохранивших способность к скептицизму, а тем более – людей науки, каков Хвольсон, читающих труды западных ученых об исламизме и народах, исповедующих ислам.

ISLAM AND CONSTITUTION

A. A. Gassiev

¹⁰ См.: Хвольсон Д.А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. – СПб., 1880.